

Сегодня — день отдыха, а через несколько дней наступит канун Нового года, так что отдыхать придётся целых двадцать дней.

Впредь больше не подсовывай людей в мои покои без спроса, мне это не нравится, — небрежно бросил Ю Цун. — Евнуху Хуану в эти годы тоже пришлось нелегко, может, в дни новолетий он тоже отдохнёт пару дней?

Хуан Цзинь испуганно отозвался, отвесил поклон со сложенными перед грудью руками и произнёс:

— Старый раб последовал за Вашим Величеством из Хубэя, а мой дворик в столице — всего лишь место для ночлега. Иметь возможность сопровождать императора в Новый год — это, без сомнения, великое счастье для старого раба.

Ю Цун издал неопределённый звук, внезапно о чём-то вспомнил и снова спросил:

— Тот Хэну, он всё ещё сидит в Западном теплом павильоне?

— Старый раб не смел позволить никому контактировать с ним, он по-прежнему под стражей, — поспешно доложил Хуан Цзинь.

Всё еще под стражей?

Неудивительно, что ему казалось, будто он что-то упустил.

Император вздохнул и неторопливо произнёс:

— Я пойду навещу его.

Тем временем Лу Бин нёс вахту в боковом павильоне. Увидев, что евнух Хуан вернулся отдохнуть, он чуть приподнял брови и непринуждённо спросил:

— У императора уже прошло похмелье?

— Гораздо лучше, — утерев пот, ответил Хуан Цзинь. — Ночь выдалась холодной, старый раб совсем заспался, благодарю господина Лу за заботу.

Не успел Лу Бин ответить, как евнух с улыбкой добавил:

— Вчера император поместил Хэну в Западный теплый павильон, и старый раб думал, что это опрометчивый шаг, но никак не ожидал, что сегодня утром, после завтрака, император снова

пойдёт навестить его.

Лу Бин как раз собирался заглянуть к Ю Цуну, но, услышав это, намертво застыл на месте, лишь коротко откликнулся и снова сел, умолкнув.

А Ю Цун тем временем направлялся в теплый павильон. Хэну в это время дрем у круглого зеркала.

— Ваше Величество? — услышав шаги, тот на мгновение растерялся, но тут же поспешно поднялся и опустился на колени.

— Вставай, — лениво бросил Ю Цун. — Это Чжан Цун тебя привёл?

На лице Хэну промелькнула беспомощная улыбка, и он кивнул.

— Что еще он тебе наказывал? — Ю Цун не собирался вести пустые разговоры и сразу перешёл к делу. — Выведывать, что происходит вокруг императора, и в любой момент передавать ему вести?

— Примерно так всё и задумывалось, — кивнул Хэну. — Велел мне в любой момент перекидывать записки евнуху Гую, который занимается уборкой во дворце, и по возможности постараться остаться во Дворце Чяньцин, стараясь прислушиваться ко всему.

По крайней мере, говорит прямо и без утайки.

Ю Цун поманил его пальцем, подзывая ближе.

Стоило Хэну сделать движение, как тонкие одежды заструились и зашелестели, придавая ему лёгкий и утончённый неземной облик.

Ю Цун бросил взгляд на его округлые подтянутые ягодицы и между делом прихватил за упругую талию, подумай он о том, что если этот тип покрутится где-нибудь в шанхайском баре, толпа активных парней наверняка попытается затащить его в постель.

Это ощущение было до странности похоже на то, как девчонки в раздевалке тайком подсматривают, у кого грудь больше.

Хэну позволил себя разглядывать и с улыбкой произнёс:

— Хэну всё еще неопытен, прошу Ваше Величество проявить милосердие.

Ну да, типичный шлюховатый пассив, тут и к гадалке не ходи.

— Я не трону тебя, — Ю Цун зевнул и жестом предложил ему сесть рядом. — Во дворце и правда одиноко, будет неплохо, если появится лишний человек для разговоров.

Он бросил небрежный взгляд, и голос его стал тяжелее:

— Если впредь я отправлю этого евнуха Гуя в Гуанлусы свиней кормить, а ты останешься здесь и будешь жить в тишине и покое... смеешь подслушивать всякие посторонние сплетни — велю снести головы всему твоему роду.

— Что вы такое говорите, Ваше Величество, — Хэну вовсе не испугался, напротив, улыбка его стала шире. — Ничтожный слуга — всего лишь приемный сын, не более чем паразит-повилика, игрушка на продажу.

А этот маленький чёрт с характером.

Ю Цун моргнул и вдруг спросил:

— Грамотен?

Кажется, мне всё ещё не хватает секретаря.

Судя по всему, этому Лу Бину предстоит бегать по делам службы изрядно часто. Как только кончатся праздники, закрутится череда бесконечных совещаний: от обустройства залов для заседаний до составления расписания служебных дел на каждый день — было бы идеально, если бы толковый человек помог всё это организовать.

— Немного умею, тайком учился.

— Тогда так: я приставлю к тебе человека, до конца новогодних праздников выучишь все иероглифы до единого, — Ю Цун погладил его по голове и снова заговорил: — Какое твоё полное имя?

— Не соизволит ли Ваше Величество пожаловать мне имя? — невозмутимо ответил Хэну. — Прежняя семья продала ничтожного слугу на сторону, словно какую-то шлюху, так что прежнего имени мне не нужно.

— Тогда пусть будет Хэну, тоже неплохо звучит, — поразмыслив с мгновение, сказал Ю Цун. — Западный теплый павильон всё равно пустует, обычно сюда никто не заходит, будешь жить здесь.

Юноша легко кивнул и, держась с достоинством, поблагодарил императора.

Выйдя из теплого павильона, император вернулся во внутренние покои, собираясь просмотреть доклады, но, бросив случайный взгляд, заметил в боковом зале господина Лу и с улыбкой поприветствовал его.

Лу Бин медленно поднял голову, взглянул на него со странным выражением в глазах, поднялся и отдал положенный поклон.

— Почему мне кажется, что мы стали чужими?

Ю Цун так и не понял, что именно было не так, но в мыслях его всё еще крутились свежие статьи, поданные Сюй Цзе и Ван Шоужэнем, поэтому он лишь мельком кивнул и направился в главный зал продолжать работу.

Дни неслись вперед так стремительно, что от этого кружилась голова.

Казалось, ещё вчера был двадцать третий день двенадцатой луны, а сегодня уже канун Нового года.

Император наконец-то разгреб горы мелких и крупных дел и отпустил по домам встречать Новый год команду сотрудников Министерства общественных работ, которые носились как безумные.

В Цзинбу как раз собрался весь штат, и старейшина Ван, отдохнув еще полмесяца, вполне сможет приступить к службе в ведомстве.

Когда они выбирали особняк, Лу Бин специально помог подобрать место поближе к месту работы, а заодно выделил слуг и паланкин, чтобы господину Вану было удобно передвигаться.

Ю Цун украдкой заглянул в гарем: повсюду развешаны разноцветные фонари, на окнах пестрели бумажные узоры.

Шумно и празднично, вот только к нему самому это всё, казалось, не имело никакого отношения.

Обычно в такое время он забивался в диван вместе с родителями, смотрел новогодний гала-концерт, а заодно листал соцсети, читая едкие комментарии друзей.

Он и сам не понимал, по чему именно тоскует, просто на душе было как-то тревожно.

Впрочем, если подумать, в пекинских законах этой эпохи запрета на фейерверки не было.

Император круто повернулся и отдал приказ:

— Хуан Цзинь, ступай выбери для меня красивых хлопушек и фейерверков.

О чём-то вспомнив, он окликнул его снова:

— Где сейчас господин Лу?

Родина Лу Бина тоже находилась в Хубэе, а его родители в последние годы один за другим ушли из жизни, так что сейчас он, наверное, тоже совсем один.

Хуан Цзинь подумал и ответил:

— Господин Лу, кажется, всё ещё ждёт в боковом павильоне?

— Позови его сюда, будем вместе запускать петарды, — сосредоточенно произнёс Ю Цун. — Запомни: выбирай побольше всяких разноцветных, запускать будем прямо на большой площади у ворот Дворца Чяньцин.

Евнух Хуан поспешно откликнулся и в суете ударился выполнять приказ.

Хотя во дворце полно строгих правил, никто не смел заставлять императора им следовать.

Столичные чиновники за предыдущие годы после показательных порций палок вели себя тихо и смиренно, да и дворецкие со стражниками тоже стали куда послушнее — кто бы осмелился идти против воли императора?

А Лу Бин тем временем всё ещё перебирал судебные дела и доклады. Услышав высочайший приказ, он, разумеется, немедленно отправился в путь.

Шагая издалека, он заметил одинокую фигуру императора, застывшую на ветру возле бронзовых журавлей.

Ю Цун был в драконьей халат-тунике, накинув поверх неё лисью доху, головной убор с опущенными нитями жемчуга сидел идеально ровно.

Две длинные пряди падали по бокам его лица, а свет неба отражался в его глазах.

Когда он оставался один, выражение его лица становилось отрешенным и спокойным, но... казалось, именно в такие минуты он был настоящим.

Отстранённым и холодным, к которому трудно подступиться.

Сам того не ведая, Лу Бин снова вспомнил вчерашний поцелуй.

Мягкий и мимолётный, он случился так внезапно, что в душе воцарился полный кавардак.

Он так и не понял, почему император вдруг поцеловал его тогда.

Но почему-то то мгновение близости вызывало в нём щемящую тоску и нежелание забывать.

Словно в самых потаённых глубинах души что-то сорвали с петель.

Из-за дворцовых стен доносились смутные звуки рвущихся фейерверков. Император медленно обернулся и в тот самый момент, когда разглядел Лу Бина, озарился улыбкой.

Совсем как в детстве.

— Будем пускать фейерверки вместе?

Лу Бин смотрел на него издалека, и в этот момент в нём вдруг всколыхнулся непреодолимый порыв шагнуть вперёд и крепко-крепко обнять его.

— Хорошо.

-3-

Ю Цун прижался к боку Лу Бина, неосознанно теснясь ближе.

Тот был выше него на голову, и даже просто стоять рядом с ним было невероятно надёжно.

Студент Ю Цун, ты точно созрел до романтики.

Император подавил в себе странное желание придвинуться ещё хоть на капельку и перевёл всё внимание на ещё не подожжённые подставки для фейерверков.

Когда сын Тайцзу, Чжу Ди, поднял мятеж, он, по слухам, за огромные деньги подкупил отряд

огнестрельного оружия. Если сравнивать с другими странами того времени, то ручное огнестрельное оружие империи Мин было изготовлено на весьма достойном уровне.

Вот только у последующих императоров дерево талантов росло как попало, и никого особо не волновало, в каком состоянии окажется управление страной.

Хотя древние фейерверки и были лишены слоя кричащей пёстрой обёрточной бумаги, по своим размерам и размаху они выглядели весьма оригинально.

— Это «Звёздная путаница туч», новая дворцовая забава, — завидев неподдельный интерес императора, поспешно пояснил Хуан Цзинь. — Она не только переливается разными огнями и создаёт эффект падающих звёзд, но может гореть без перерыва целый час или два.

Час или два?

Ю Цун быстро прикинул в уме, бросил взгляд на подставку для фейерверка размером с платяной шкаф и подумал, что это поистине роскошная игрушка для развлечения богачей — простому люду в современную эпоху такое зрелище оказалось бы просто не по карману.

По заведённому обычаю, запуском салютов полагалось любоваться всем вместе: сгоняя толпы сановников и жён из гарема.

Но в этот раз перед Новым годом он проявил дальновидность: сославшись на недомогание, он заранее распорядился, чтобы все отправлялись по домам к своим родным очагам.

Двое — государь и сановник — поднялись на высокую башню и стали молча ждать, пока маленький евнух подожжёт фитиль.

— Завтра состоится праздничный пир, изволит ли Ваше Величество присутствовать? — снова подал голос Лу Бин.

— Праздничный пир? — Ю Цун на мгновение опешил, вспомнив про это дело.

Причина, по которой Ведомство императорских трапез получало повод содержать такую ораву людей, заключалась именно в том, что по случаю праздников во дворце устраивались пиры для награждения приближённых сановников: один в день зимнего солнцестояния, второй — на Праздник весны, а третий — в Праздник фонарей.

Прекрасно, поистине с китайским колоритом.

Лу Бин уже собирался заговорить снова, как в этот самый момент грянул оглушительный пушечный грохот, и с громким взрывом сноп искр взлетел прямо в небеса!

От неожиданности император на доли секунды инстинктивно нырнул в его плащ, задрожав от испуга.

Ю Цун мысленно отборно выругался.

Не успел он испуганно приподнять голову, как грохот и содрогание повторились без всяких прикрас — звук был в точности как от сброшенной с воздуха бомбы!

Да даже воздух вибрировал! Обязательно было так масштабно устраивать всё это?!

Ю Цун вцепился обеими руками в лацканы одежды господина Лу, думая про себя, что между идеалом и реальностью всё же имеется некоторая разница.

Современные фейерверки проходят улучшенную рецептуру, от них не грохочет как от артиллерийских снарядов.

Испугаться до такого состояния — это ведь жутко позорно?!

Ну запускаешь ты фейерверк — так запускай, зачем устраивать такой эффект, будто рванул динамитный склад или пороховой завод!

Я вовсе не испугался салюта так, что у меня подкосились ноги!

Совсем нет!!!

Лу Бин машинально похлопал Ю Цуна по спине и одновременно сглаживал неловкость, думая о том, что они с императором впервые наблюдают за фейерверком так близко.

Раньше им доводилось смотреть на них лишь издалека, с высоких башен средних покоев, когда вокруг толпилось множество родственников из гарема — так, посмотреть на вспышки света.

Строго говоря, в тот момент, когда грянул первый взрыв, у него самого сработал бытовой рефлекс схватиться за рукоять меча...

С каждым новым взрывом Ю Цун постепенно привыкал к этим грубым и диким звукам старого образца и осторожно вытянул голову из-за накидки господина Лу, задирая лицо вверх, чтобы поглядеть на трепещущие в небе искры.

К счастью, Хуан Цзинь стоял далеко и толком не видел, чем они там занимаются.

Иначе он бы точно всё понял неправильно...

Ю Цун с облегчением выдохнул. Хоть сердце и вздрагивало при каждом залпе, он всё же потихоньку разжал пальцы на одежде Лу Бина, демонстративно кашлянул, сделал вид, что ничего не произошло, и сунул руки в рукава, глядя в небо.

Вспышки золотого и серебряного света рассыпались и вновь заполняли пространство, а красные и синие искры распускались на мгновение, подобно ночным царицам-церам, и тут же угасали.

Иногда раздавался резкий свист, и снаряды, взмывая ввысь, взрывались яркими соцветиями, покачиваясь от ветра наподобие гортензий.

Безумные краски покрыли весь купол небес, высоко над ними висел серп луны, а звёзды сияли чисто и ярко.

Ю Цун замер, внезапно осознав, что смотрит на древнее ночное небо впервые в жизни.

Воздух был неизменно чист и прозрачен, без малейших следов дымки.

Весь ночной небосвод сиял такой первозданной чистотой, будто после сильного снегопада, и бесчисленные звёзды усыпали горизонт, слабо мерцая в отсветах фейерверка.

Как же красиво.

Будь он поэтом, в этот момент в нём наверняка проснулось бы вдохновение и он разразился бы парой-тройкой стихов прямо на месте.

Ю Цун, задрав голову, долго всматривался в звёздную ночь и фейерверк, пока в голове у него крутилась лишь песенка Энди Лау про пожелания богатства, так что он взмахнул рукавом и скомандовал:

— Пошли вниз, есть пельмени!

Какие к чёрту стихи, ничто не сравнится с пельменями с макрелью да с зубчиком чеснока!

Стоило кануну Нового года смениться Первым днём года, как, несмотря на современные ритмы, в праздники принято отсыпаться пару-тройки дней, но императора разбудили едва забрезжил рассвет, и он вновь погрузился в круговорот хлопот.

Когда-то после своего восшествия на престол Тайцзу Чжу Юаньчжан, жалея сановников, которые являлись на утренние доклады в любую погоду — хоть в зной, хоть в холод — велел Ведомству императорских трапез ежедневно после утреннего схода потчевать их угощениями у ворот Фэнтянь или в залах Уин и Хуагай.

Старина Чжу всё же происходил из крестьян, так что развернуть такую грандиозную столовую в Запретном городе он мог по одному щелчку пальцев, вот только бедному Ведомству императорских трапез от этого оставалось только горько рыдать.

На словах речь шла о гражданских и военных чинах со всей столицы, но если посчитать всех чиновников высокого и малого ранга из каждого ведомства, набегало не меньше тысячи человек...

Позднее чиновники Гуанлусы ходили плакаться в Министерство ритуалов, а те выискивали способы доложить императору, и эту загадочную традицию сократили до двух раз в месяц — в первый и пятнадцатый дни лунного месяца, когда чиновникам полагалось угощение.

Узнав об этом, Ю Цун как раз ломал голову над тем, где бы урезать расходы, и просто отменил это формализованное представление первого и пятнадцатого чисел.

Даже если бы он сам не стал вмешиваться, лет через пятьдесят-шестьдесят кто-нибудь другой всё равно бы это прикрыл, так почему бы не начать экономить прямо сейчас?

Однако раздачу угощений можно было сократить, а вот праздничный пир — ни в коем случае.

Первый день нового года — это начало года, начало лунного месяца и начало нового дня.

Согласно обычаям предков, это символизировало три начала года и месяца и было основой придворных церемоний.

Сонного императора одевали и причёсывали дюжина служанок, на укладку волос ушло полпалочки благовоний, а праздничный наряд состоял из полного комплекта парадных одежд.

— Если бы он попытался сам избавиться от этих громоздких штук, ему, пожалуй, потребовалось бы по меньшей мере вооружиться ножницами и потратить ещё полчаса.

На нём висело и крепилось столько всего, что передвигаться самостоятельно было довольно тяжело.

С сонным и недовольным выражением лица Ю Цун, поддерживаемый Хуан Цзинем, уселся в нефритовый паланкин и велел нести себя к залу Фэнтянь.

У восточного и западного торцов большого зала гвардейцы Цзиньивей установили жёлтые штандарты, полощущиеся на ветру тёмно-золотые знамена с драконами переливались узорами под солнечными лучами.

Как только Ю Цун неторопливо выбрался из паланкина, огромная масса людей в едином

порыве опустилась на колени, отчего остатки сна у императора слетели в мгновение ока.

— Сколько же народу они сюда согнали...

Двадцать четыре офицера из состава гвардии Цзиньвов ожидали внутри зала, музыканты для девятичастного исполнения песен стояли на коленях в зале, а оркестр большой музыки ждал снаружи.

Ю Цун окинул взглядом пространство и смутно заметил танцовщиц из увеселительной труппы, которые тоже замерли у подножия ступеней зала, но, судя по их богатым нарядам из узорного шёлка, было ясно, что вскоре им предстоит исполнить какой-нибудь залихватский танец.

Император прикрыл рот рукавом и зевнул, стоя под балдахином снаружи, а на душе у него было странно и сложно.

Неужели небеса услышали, что я хочу посмотреть новогодний гала-концерт, и срочно организовали своё шоу...

Гражданские и военные сановники выстроились снаружи зала по порядку утреннего доклада, и не успели шеренги проверить ещё раз, как евнух из Дирекции ритуалов громко провозгласил:

— Час настал!

В следующую секунду за пределами зала зазвучали колокола и барабаны, раскатываясь волнами, словно весенний дождь над горами: сначала прогремел ряд огромных бронзовых колоколов и барабанов у входа, а изнутри зала полились звуки флейт сяо и струнных гуслей.

— Я, старший церемониймейстер Сунь Юэ, в коленопреклонении прошу Ваше Величество взойти на трон.

Лу Бин бросил многозначительный взгляд, и растерянный Ю Цун с запоздалой реакцией пришел в себя, под приветственные поклоны чиновников вошёл в главный зал и, взмахнув рукавом, занял своё место.

Затем высокопоставленные сановники отвесили поклоны и заняли свои места, а в зале закружились танцовщицы, вновь пробуждая ощущение чего-то до боли знакомого.

Недавно назначенный чиновник Ведомства императорских трапез замер рядом, наполняя кубок за кубком.

Хотя Ю Цун заранее не готовился ко всему этому, но раз уж ему подносили вино — пил, так что беспорядка точно не возникло бы.

Император осушил кубок, сановники четырежды поклонились, поднялись и вернулись на свои места.

Выпив ещё пару раз, Ю Цун наконец раскусил этот механизм.

Стоило чиновнику из Гуанлусы поднести ему кубок вина, как танцовщицы из театрального ведомства меняли мелодию, и темп выступления целиком и полностью зависел от скорости, с которой он пил.

Если он потягивал вино медленно, музыка замедлялась, но стоило ему опустить пустой кубок, как они тут же расходились по сторонам, начиная новое музыкальное сопровождение.

Когда все девять кубков были осушены, артисты отвесили поклоны и удалились, а сановники один за другим стали выходить вперёд, поднося дары в знак преданности.

О, а вот это уже напоминает Рождество.

Наблюдая за тем, как чиновник Дирекции ритуалов принимает подношения от каждого из высокопоставленных чиновников, Ю Цун почувствовал себя точь-в-точь мажором в день рождения.

Янь Ицин и Сюй Цзе принесли небольшие свёртки — наверняка там были кисти, тушь, бумага или другие полезные мелочи.

Однако находились и незнакомые люди, притащившие целые коралловые деревья и прочие ценности. Хотя Ю Цун мысленно удивился, внешне он остался совершенно невозмутимым и велел принять всё до последнего.

Среди чиновников первого и второго рангов оказалось немало тех, кто, судя по всему, относился к числу старых сановников былых времён.

Некоторые из них, будучи людьми честными и небогатыми, не имели лишних средств, а потому подарили собрания классических текстов и книг, что тоже можно было считать выражением верности.

Глядя на бесконечный хвост очереди, Ю Цун смутно догадался об истинном положении дел.

Раз уж ты император, материальных проблем у тебя наверняка нет.

Преподношение подарков сановниками высокого ранга каждый Новый год — это, скорее всего, ещё один способ укрепить трепет и почтение к императорской власти.

Когда Лу Бин был всего лишь знаменосцем, он даже не имел права зайти в зал, чтобы посмотреть на танцы.

Но теперь он — сановник третьего ранга, легкий колесничий дух, и имеет полное право сидеть на самом почётном месте.

Облачённый в пожалованные императором одежды с узором рыбы-дракона, Лу Бин шагнул к нему в общей колонне, бережно поддерживая свёрнутый в парчу подарок.

Завидев его вновь, Ю Цун не смог сдержать мягкой улыбки, обошёл Дирекцию ритуалов и лично протянул руку, принимая подношение.

Тяжёлое... Что же там внутри?

— Господин Лу, — император небрежно передал вещицу помощнику и с улыбкой произнёс: — С Новым годом.

Лу Бин на миг замер, впервые в жизни не вымолвив в ответ положенное благодарственное спасибо Вашему Величеству.

На его лице тоже проступила мягкая улыбка, и он тихо произнёс:

— С Новым годом.

-1-

Все остальные подарки передали ответственным людям для описи и отправки в государственную казну, но одну-единственную вещь Ю Цун оставил при себе — тот самый тяжёлый подарочный ларец от господина Лу.

Он осторожно потряс его, но по звуку так и не смог догадаться, что там прячется.

Будь это в современную эпоху, сердце наверняка бы замирало в надежде обнаружить там iPhone X.

Когда все лишние люди наконец разошлись, Ю Цун вскрыл парчовую шкатулку и увидел внутри нефритовую жуи с узором из восьми сокровищ и иероглифом долголетия.

Император помолчал несколько секунд и захлопнул крышку обратно.

Подумать только, этот чурбан совершенно лишён какой-либо романтики.

По заведённому обычаю, у императора в течение первого месяца нового года большая часть времени уходила на хлопоты с самыми разными запутанными церемониями и ритуалами.

Лениво придумывать другие отговорки, Ю Цун велел Хуан Цзиню отменить всё, что только было можно, сославшись на банальную простуду.

<http://bllate.org/book/20063/1984656>